

М. Ткачев, д. и. н., Минск

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ: НАРОД И ИСТОРИЯ.

Река народной жизни и отечественной истории берет начало в заповедных глубинах седьих веков. Через тысячелетия, через неизбежные мели и перекаты несет она свою дань в океан общечеловеческой истории. А в месте с этой рекой плывет и корабль народной памяти, наполненный деяниями сотен поколений наших парщуров, влекомый парусами Надежды, Мудрости и Труда, управляемый кормилом Судьбы. Среди малых и больших кораблей всемирной семьи народов корабль белорусов никогда не был лишним. В соцветии флагов и символов, реящих на мачтах этой многонациональной эскадры, гордо развевались и национальные исторические символы белорусов, рассказывавшие миру о родоходе нашем, о братьях и исторических побратимах по совместной жизни на этой многострадальной и дорогой земле.

Корабль нашей исторической памяти знал и лихие годы, когда грабительская рука чужеземца срывала с его флагштоков национальные святыни. Не раз бросало его в жестокие штормы и бури европейской и российской истории, не раз на нем хозяйничали завистливые и жадные соседи, растаскивая наше наследие, поднимая свои флаги над поруганной судьбой народа.

Революционный вихрь пробудил надежды белорусов, даровав им возрождение, свободу, равенство и будущее. Но как не просто сложилась их судьба! Сегодня, когда великая перестройка возвращает народам страны погранные святыни, когда к нам возвращается правда, изнасилованная и утрамбованная в сталинские душебойки, втопанная в болото застоя, самое время перевести дух и спокойно обдумать, осмыслить пережитое, попытаться дать ответ на ряд вопросов, вокруг которых кипят страсти. Среди последних, пожалуй, наиболее горячие - страсти по национальным символам.

Казалось бы, что нам эта символика, когда полки в продуктовых магазинах пусты, когда гуляет дефицит на сотни и тысячи видов товаров, - что нам до этой символики? Но не зря великие и мудрые предки наши сказали: "Не хлебом единым жив человек!"

Когда на дворе пора новой революции, имя которой Перестройка, когда, сбросив вериги сталинщины, соседи, засучив рукава, занялись в поте лица переделкой своего отчего дома, не к лицу и белорусам сидеть сложа руки. Мощная идея национального возрождения взламывает истоптанный асфальт старых догм и великой лжи, десятилетиями прятанных от народа правду о нашей многострадальной истории, о заре нашей советской государственности и о времени далекого средневековья. Как и всегда, на переломе истории, в момент национально-духовного подъема, перед народом, перед новыми

поколениями нации встает законный вопрос: "Кто мы?" И тогда мысль обращается в глубь родной истории, и мы все приходим на спасительный берег этой великой неиссякаемой реки. Здесь мы ищем ответы на мучающие нас вопросы. В том числе и на вопрос о гербе Погоня и бело-красно-белом флаге.

Среди ряда белорусских историков и тех "любителей от истории" - непрофессионалов, которые стали в последнее время "кормиться" на этой теме, - довольно долго бытовало и бытует мнение, что исторических символов, как таковых, у белорусов не было и нет. Такой вот безликий и "неисторичный" народ... Что все разговоры на эту тему - "от лукавого", а если точнее, то от "националистов". Более того, кое-кто отважно уверяет читающую и слушающую публику в неславянском происхождении герба Погоня, намекая на его чисто литовское происхождение, называя "гербом литовских феодалов". Заявления, прямо скажем, безответственные, если не сказать больше. В таком же ключе решаются и проблема бело-красно-белого флага, который вообще считают порождением XX века.

Прежде всего необходимо отметить, что большинство пишущих и говорящих сегодня о национальных белорусских символах допускают ряд непозволительных ошибок. Как правило, разговор о гербе Погоня они начинают с момента появления герба, то есть с XIII в., опуская и вычеркивая исключительно важный и значительный период праславянской истории и истории восточно-славянских земель X - XIII вв. А именно там, в глубинных пластах этой истории, лежат истоки позднейшей белорусской, украинской и русской символики.

Что же касается национальных (белого и красного) цветов, то их истоки следует искать еще во времена индоевропейской общности, когда у большинства племен наиболее почитались два цвета - белый и красный. Белый цвет, в силу тогдашнего мировосприятия, отождествляется с цветом материнского молока. Белый цвет ассоциировался с кормилицей-землей, с матерью-природой, все дающей для жизни людей. Красный цвет считался символом огня и вечной жизни, так как в тех суровых жизненных условиях огонь действительно гарантировал жизнь. В связи с развитием языческой религии и складывающимся примитивным философским мировосприятием появилась вера в загробную жизнь. Поэтому мертвых, особенно детей, посыпали красной минеральной краской - охрой, как бы желая продления их жизни в загробном мире.

Славяне также особо почитали белый и красный цвета. Они считали их священными. Это были основные цвета их одежды.

Уже в эпоху родоплеменного строя и усиливающихся военных столкновений начали появляться различные символические боевые знаки. Обычно это были знаки религиозного содержания с изображением главного почитаемого божества данного племени или народа, или его атрибуты. Они имели вид различных фигурок, рисунков и значков на длинных древках. Все эти воинские знаки вызвала к жизни практическая необходимость отличия на поле

брани своего воинского формирования от чужого. Безусловно, все они разительно отличались от боевых символов сегодняшних дней.

Известно, что древние славяне употребляли боевые знаки, называвшиеся "станицы". Их название происходит от "стана" - шатра, а в более широком толковании - от поселения, убежища. Это название перешло позднее на боевые знамена, которые сохранялись, как правило, "в стане божьем", то есть храме, вместе с другими местными святынями. Эти святыни охранялись отборными воинами, окружены были особым уважением и выносились только в случае войны или праздников. Различные источники, описывающие славянские языческие храмы, сообщают, что внутри они драпировались материей красного цвета. Первосвященники носили белые, вышитые золотом одеяния, поверх которых был красный пояс.

В представлении наших предков каждый воин, становившийся под боевой стяг, сразу же попадал под божественное покровительство и защиту этой святыни, которая в боевом походе отождествлялась с отечеством и родным домом. Вот почему в бою она защищалась с особой самоотверженностью вплоть до самопожертвования.

Древнерусские летописи, знаменитое "Слово о полку Игореве" сообщают нам о названиях боевых знаков восточных славян - "прапорцах", "стягах". В "Слове" сказано о белых стягах и красных щитах. Об истинных формах и размерах станиц, прапорцев, стягов и щитов мы можем только догадываться.

Все вышесказанное относится ко всем восточным славянам, в том числе и племенам, жившим на территории Белоруссии.

С защитой отечества, отчего дома связана древнейшая восточно-славянская традиция - "погоня". Уже в самом слове звучит его смысл, существо. Традиция восходит к родоплеменным временам как ярчайшая черта тогдашней жизни, переполненной взаимными столкновениями и войнами. Эта традиция раскрывает нам важнейшую сторону организации жизни и быта того непростого времени, когда каждый был в ответе за жизнь своего соплеменника. В случае неожиданного нападения и захвата в плен противником члена данного племени или жителя селения, всякий мужчина, имевший право носить оружие, обязан был конно или пеше броситься в погоню за врагом, чтобы отбить пленяников. В условиях военной демократии эта традиция соблюдалась неукоснительно, сохранялась веками, в том числе и в эпоху Киевской Руси.

Вот как описывает Ипатьевская летопись организацию погони в Берестье в 1280 г., когда польский военный отряд в 200 человек "повоовал" возле города и по реке Кросне десять сел и с добычей двинулся назад. Берестейский воевода Тит с 70 берестянами учинил погоню. Как говорит летопись, "берестяни же собращася и гнаша по них" несмотря на свою малочисленность. Ведомые воеводой, который был "езде славен мужьством на ратех и ловех и тако угонивше их (поляков. - М. Т.) и бишася с ними. Божею же милостью победиша Берестяне Ляхи и убия

их 80, а другая поимаша, а полон свой отполониша. И тако придоша во Берестии со честию, славяще Бога и пречистую его Матерь во вся века”.

Летописное сообщение неизбежно заставляет нас коснуться двух пластов отечественной истории, о которых следует сказать особо. Это, во-первых, о христианизации земель Белоруссии и, во-вторых, о включении ее земель в состав будущего Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского.

Известно, что христианство, введенное на Руси в 988 г., довольно осторожно относилось к тем вековым традициям, которые бытовали в народе. Не вдаваясь в их перечисление, отметим только, что традиция военной погони была воспринята церковью полностью и ею же всячески освящалась. И до принятия христианства и после христианизации служение воинское у восточных славян всегда почиталось и рассматривалось как готовность отдать свою жизнь - самое дорогое и святое, что есть у человека, ради ближних. В решающих битвах (вспомним Куликово поле, 1380 г.) церковь благословляла своих иноков для ратоборства с противником на глазах у всего воинства. И этим завоевывала еще больший авторитет у верующих.

В годину трудных для отечества испытаний церковь была всегда с народом, призывая его грудью стоять за веру и родину. Священники и монахи были в составе дружин, вдохновляя воинов на битву, отпевали погибших после сражений, перевязывали раненых, устраивали лазареты, организовывали сбор средств на их нужды. Судьба церкви тесно переплелась с судьбой страны и народа. XIII век полон драматизма в судьбе восточного славянства. Две страшные силы обрушились на него: крестоносное рыцарство с запада и татаро-монгольское нашествие с востока. Исторические судьбы будущих белорусов, украинцев и русских разошлись своими дорогами. На долю каждого народа выпало множество испытаний. Земли Белоруссии и Украины нашли свое спасение, присоединившись к так называемому Литовскому княжеству (Ф. Энгельс).

Хотелось бы особо отметить, что включение этих земель произошло на основании матримониальных, дипломатических и политических соглашений, на основе договора - "ряда", основным принципом которого было "не рухать старины, не вводить новины". Меч как метод объединения играл в данном случае не главную роль. Подчеркиваем это потому, что среди историков Белоруссии все еще бытует расхожее утверждение о "завоевании Белоруссии литовцами". Страдают этим "комплексом" и некоторые исследователи Прибалтики. Мы же должны говорить о возникновении уникального средневекового государственного образования - федерации белорусского, литовского и украинского народов, одной из первых в Европе. Славянский элемент здесь преобладал. Нелитовские земли и нелитовское население составляли девять десятых территории Великого княжества Литовского. Не зря Ф. Энгельс назвал это государство "так называемое Литовское княжество". Объединение было выгодно всем входящим в него

народам. Молодое Литовское государство, крепчавшее в ходе сложных глубинных экономических и социально-политических процессов, получило в лице белорусских территорий мощный экономический фундамент. В то время как в XII в. в самой Литве еще не было городов, здесь их насчитывалось несколько десятков - крупных центров идеологической и культурной жизни - с хорошо развитыми ремеслом и торговлей, традициями правовой системы. Вхождение белорусских земель в состав так называемого Литовского государства не было актом благодетельствования нищих, сырых и слабых ни с той, ни с другой стороны. Результатом белорусско-литовского общественного синтеза и стало Великое княжество Литовское. Народы, населявшие эту великую средневековую державу, вместе прошли через страшные испытания судьбы.

Достаточно сказать, что, начиная с конца XIII в. и по 1410 г., крестоносцы, благословляемые папской курией, более 140 раз вторгались в пределы Литвы и Белоруссии, терзая земли Понеманья и Подвинья. За неполные 100 лет белорусско-литовские полки сделали около 60 ответных походов. К этому следует добавить отражение набегов крымских татар, которые в 1474 по 1569 г. совершили в пределы государства 75 хищнических рейдов. Состояние тотальной войны, в котором пребывали земли Великого княжества Литовского при отражении внешней агрессии, сделало белорусов и литовцев историческими побратимами, которые вместе выстояли "на крови" в жесточайших сражениях за свое общее будущее. Здесь мы должны особо отметить заслуги многочисленного белорусского воинства. Военная организация белорусских земель, в том числе и традиция народной погони, с момента их вхождения в состав Литовского государства была воспринята и синтезирована последним, а затем полностью использована для нужд страны.

Уже после унии Польши с Великим княжеством Литовским, 1387 г., великий князь литовский и король польский Ягайло в грамоте, адресованной населению Полоцкой земли, Мстиславщины, Новогрудчины, Гродненщины и других регионов Белоруссии, так писал о погоне: "Согласно древнему обычаю, военный поход остается обязанностью, которая осуществляется собственными затратами и расходами. В том же случае, если придется преследовать врагов, неприятелей наших, то для этого преследования, которое по народному называется погоней, обязываются отправляться не только рыцари, но и каждый мужчина, какого бы он ни был происхождения или состояния, только бы он был способен носить оружие".

Идея защиты отечества, сфокусированная в восточно-славянской традиции народной погони, стала той цементирующей государственной идеологией для всех жителей Великого княжества Литовского, которая всем давала перспективу жизни и веру в будущее. Только она гарантирована суверенность, единство и развитие. Традиция народной погони стала превращаться в идеологический знак эпохи, а под влиянием европейской геральдики не замедлила воплотиться в графический символ - герб Погоня.

Впервые об этом гербе белорусско-литовские летописи и хроники сообщают около 1270 г. Он возник как княжеский и городской герб в древнем белорусском городе Новогрудке (Новгородке). Согласно описанию летописей Рачинского, Ольшанского, Румянцевского, Евреиновского списков, Хроники Быховца и хроники М. Стрыйковского, первоначально герб изображал "человека на кони з мечом, а то знаменуочи через тот герб пана дорослого лет, хто бы мог боронити мечом Отчизны своею". Для жителей Новогрудка-Новгородка и всей Новогородской земли с ее "грады многи" - Волковыском, Слонимом, Гродно, Турыйском, Здитовом, Зельваю - традиция погони была обычным делом. Только за период с 1293 по 1316 г. они отразили более 30 походов крестоносцев и сами совершили 14 ответных акций. Не случайно, что княживший в это время в Новогородке Витень (есть сведения, что это имя древнерусское) около 1293 г. также "...измысли себе герб и печать: рыцер зброины на коне з мечом еже ныне наричут Погоня".

Так древнеславянский и древнебелорусский символ народной воинской традиции стал государственным гербом Федерации - Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского. И поэтому ошибочны заявления тех исследователей, которые, глубоко не разобравшись в истоках и родословной этой истинно народной, бесспорно древнеславянской и древнебелорусской святыни, спешат заявить о том, что она "не имеет под собой чисто белорусский этноисторической основы". Приходится только высказать сожаление по поводу того, что в центре республиканской исторической науки с ее головным Институтом истории не нашлось исследователя, который бы аргументированно возразил против этого. Более того, сотрудник института, участвовавший в полемическом клубе одной из республиканских газет, заявил, что Погоня - "литовский герб, который в более позднее время распространился на белорусские земли как привнесенный". Поддержали эту мысль и некоторые другие участники названной встречи.

Закономерно задать вопрос: нужно ли так спешить "раздавать" налево и направо национальные святыни народа?

"Отдав" нашим соседям древнебелорусской герб Погоня, вышеозначенные исследователи, сами того не подозревая, создали немалые трудности и для русской геральдики. Здесь им, видимо, придется предложить считать герб Российского государства - так называемый "Ездец", возникший в конце XIV в. и изображавший всадника с копьём, поражающего змия, - заимствованным у Литвы. На самом деле это все та же древнеславянская Погоня. Только в отличие от герба Великого, где всадник повернут влево, на запад, откуда грозила крестоносная напасть, русский Ездец повернут вправо, на восток. Оттуда пришло на земли Руси страшное татаро-монгольское иго, которое на гербе показано в образе змия. Православная религия придала воину древнерусской Погони облик Георгия Победоносца, поражающего змия копьём. Но это не меняет существа герба.

На Руси образ скачущего конника запечатлели еще ранее печати Александра Невского (умер в 1262 г.). Известен он в начале XV в. также на печатях московского князя Василия Дмитриевича и других князей.

Мы стоим перед очевидным фактом, что у герба Погоня и русского герба Ездец одна и также родословная, один корень, один исток - восточно-славянская традиция народной погони. И здесь ничего не убавить и не прибавить.

Изображение Погони прошло значительный путь развития. Известно пять вариантов изображения всадника с мечом: с нимбом вокруг головы; без нимба; с мечом, но без щита; с мечом и щитом, на котором герб "Колонны"; с мечом и щитом, а на нем шестиконечный крест. Последний вариант связан прежде всего с именем Ягайло, который сделал такой щит для своей гробницы. Причем шестиконечный крест в точности соответствует святыне Полоцкой земли - знаменитому кресту Ефросиньи Полоцкой работы ювелира Лазая Богши: верхняя перекладина короткая, а нижняя более длинная.

Помещение этой полоцкой святыни на гербе государства и на государственном знамени прежде всего использовалось для идеологического воздействия на православное воинство.

Вероятно, после брестской церковной унии 1596 г. крест на геральдическом щите стал равноконечным или сдвоенным. Он напоминал древнеславянский знак бога солнца - Ярилы, символизировавший вечную жизнь на этом свете и в загробном мире. Кое-кто такой крест отождествляет с патриаршим крестом, что не исключено.

Герб Погоня имел широкое распространение и употребление на Белоруссии. Согласно Статутам Великого княжества Литовского 1566 и 1588 гг. каждый повет обязан был иметь печать с Погоней. Этот герб обязательно должен был размещаться на башне магистратов всех белорусских городов. Гербом украшались шпили въездных брам. Так, в 1660 г. над Триумфальными воротами Могилева, над их жестяным куполом, легко парил сложный трехъярусный флюгер - "ветренник" - в виде позолоченной звезды, венчавшей пик башни.

После присоединения Белоруссии к России и разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. все эти гербы были сняты и заменены гербом в виде двуглавого орла. Возродился старый герб лишь во время восстания К. Калиновского в 1863 г. и затем эпизодически являлся миру в разное время.

Своим изображением Погоня в условном и доступном зрительскому восприятию символе давала представление о стране, ее истории, народе и общественном строе.

Безусловно, с момента появления общегосударственного герба вошел в употребление и государственный флаг Великого княжества Литовского. Как свидетельствуют документы, в XVI в. он имел вид стяга из пурпурной или красной китайки - шелка - длиной в 60 локтей. На нем было вышито изображение Погони и Богоматери с младенцем, что играло огромное

идеологическое значение, поскольку все ратоборцы были христианами. Надо сказать, что с боевым кличем "Богородица! Помогай!" войско тогда ходило в атаку. Боевой клич "Ура!" еще не употреблялся.

Согласно правилам тогдашней европейской геральдики и с учетом давних народных традиций, герб и стяг белорусско-литовского государства имели совершенно конкретные цвета. Так, герб имел вид щита пурпурного цвета с изображенной на нем белой Погоней. Пурпурный цвет считался благороднейшим из цветов. Носить одежду такого цвета могли только короли и великие князья. Пурпур также символизировал лучшие качества мужчины-воина.

Белый цвет, соответствующий в геральдике серебру, означал у наших предков высшие духовные качества.

Еще один элемент герба - шестиконечный крест на щите конника - изображался золотым. Золото символизировало свет, а также благородство, бодрость, надежду, возвышенность.

Когда начинаешь анализировать цветовую гамму нашей древней национальной символики, невольно проникаешься глубочайшим уважением к тем далеким пращурам, которые в символах и цветах пробуждали у своих современников лучшие человеческие и гражданские качества. Все это адресовано и нам, в сегодняшний день.

В начале XVI в., как и по всей Европе, в Белоруссии и Литве стали появляться флажки и вымпелы, связанные своими цветами с гербом державы.

Впервые изображение бело-красно-белых флажков мы видим у конницы Великого княжества Литовского, участвовавшей в битве под Оршей в 1514 году. Живописное полотно начала XVI в., краски которого не поблекли до сегодняшнего дня, находится в Национальном художественном музее в Варшаве.

Постепенно стали складываться предпосылки для отказа от старого стяга с изображением Погони и образа Богоматери и перехода к двухцветному. В этих цветах первенствовал цвет герба. В нашем случае - это белоснежная Погоня. Ее цвет стал основным фоном полотнища знамени, посредине которого проходила горизонтальная пурпурная полоса - цвет геральдического щита. Возникло трехполосное сочетание: бело-красно-белого цветов. Трехполосный флаг показал на гравюре 1551 г. в своей "Хронике" М. Бельский. В это же время появляется и бело-красное польское знамя.

После Люблинской унии 1569 г. возникла федеративная держава Речь Посполитая, объединившая Польшу и Великое княжество Литовское с единым выборным королем (он же одновременно и великий князь литовский). Появляются первые попытки объединить оба флага в один, тем более, что в основе их лежали два одинаковых цвета. И вот в 1605 г. король Жигимонт Ваза употребил флаг трехполосный: красно-бело-красный с гербами посредине. Из того же XVII в. происходит четырехполосное знамя: бело-красно-бело-красное.

Здесь наиболее четкая попытка соединения флагов одного и другого государства, членов федерации. Но такой цветовой симбиоз долго не продержался, и вскоре каждый член Речи Посполитой перешел к своему флагу.

Необходимо отметить, что в это же время и вплоть до разделов Речи Посполитой в Белоруссии были в употреблении и знамена с изображением Погоня. После административной реформы 1564-1566 гг., когда возникли воеводства, каждое из них получило из великокняжеского скраба (казны) знамя определенного цвета с изображением государственного герба. Известно, что воеводство Полоцкое имело знамя желтое ("сикоража"), в белом поле Погоня; воеводство Новогрудское - полосатое ("пелистое"), в белом поле герб; воеводство Витебское - зеленое, герб в белом поле; воеводство Берестейское - голубое ("блякитное"), в красном поле герб; воеводство Минское - "гвоздиковое" (нежно-красное), в белом поле герб; воеводство Мстиславское - желтое знамя, в "чирвоном полю" герб. Имелись также и знамена поветов городов с изображениями Погоня.

Так, воинские знамена Гродненского и Слонимского поветов, единственные сохранившиеся до наших дней, во времена короля Сигизмунда III (1566-1632 гг.) были малинового ("кармазынового") цвета с изображением Погоня.

В XVI - XVIII вв. военно-служилые татары Великого княжества Литовского, жившие в разных местах Белоруссии и Литвы, употребляли свой воинский символ - Татарскую Погоню. На ней у всадника вместо меча был лук, отсутствовал щит. Боевое знамя татарской конницы было бело-красно-белого цветов с изображением полумесяца и звезды.

Существовала также Малая Погоня, изображающая рыцарскую руку в доспехах с мечом. Таковым был герб города Мстиславля, некоторых шляхтетских и магнатских родов.

Необходимо также указать на несомненную связь с гербом Погоня и бело-красно-белым стягом символики православной церкви в Белоруссии и на Украине. Это - включавшаяся в состав одежды иерархов бело-красно-белая лента. Она трактовалась двояко: как знак патриаршей власти и как символ наставнической миссии Иисуса Христа на земле, переданной его ученикам. Белой, чистой считалась душа верующего, а красная полоса отождествлялась с огненной правдой слова божьего, пророченного в этой душе.

С конца XVIII в. и до 1863 г. не могло даже возникнуть разговора об использовании в Белоруссии ее древних символов. Само упоминание Белоруссии и ее названия в 1843 г. было запрещено Николаем I, хотя Погоня вошла в гербы некоторых белорусских городов, полученных от царской власти.

И только восстание 1863 г. под руководством К. Калиновского вернуло к жизни эти символы. Известно, что вначале повстанцы действовали под польским флагом с двумя гербами - Орлом и Погоней. Однако после разрыва с "белыми" участниками восстания К. Калиновский создает новую печать для революционной

организации "Комитет, управляющий Литвой" с изображением только Погони. Одновременно он отказывается и от польского стяга. Мы высказываем предположение, что К. Калиновский как патриот своей земли, как высокообразованный человек, не мог не обратиться к древнему, то есть бело-красно-белому стягу. Документы пока об этом молчат. Но нашу мысль косвенно подтверждают некоторые факты. Известно, что в 1870 г. возникло Тербатское студенческое братство младолатышей, которое обсуждало будущее Латвии и решало вопрос о национальном флаге. Было предложено рассмотреть и вариант бело-красно-белого флага. Однако от него вскоре отказались, так как "в такой комбинации он совпадал с флагом белорусов" (участников восстания К. Калиновского. - М. Т.). В итоге младолатыши остановились на сочетании красно-бело-красного цветов (в наши дни этот флаг признан национальным флагом Латвии).

Далее судьба наших национальных символов довольно сложна. По воспоминаниям Я.Ф. Сушинского, Погоня и национальный флаг использовались еще в конце XIX в. петербургскими студентами - уроженцами Белоруссии и Литвы - участниками национально-освободительного движения против самодержавия. Это предполагает и известный белорусский историк Н.С. Сташкевич. Имеются многочисленные факты использования национальной символики в обыденной жизни белорусского населения в предреволюционные годы. Известно, что Белорусское общество имени Ф. Скорины около 1915 г. издало открытку и печатало афиши с портретом великого первопечатника, окаймленным лентой из национальных цветов.

В 1916 г. герб Погоня и бело-красно-белый флаг были в употреблении в организации "Сувязь незалежнай Беларусі", ставившей задачу борьбы за независимую народную республику.

По сообщениям минской прессы за 10-13 марта 1917 г. в Минске был успешно проведен "День белорусского значка" с активной распродажей изображения бело-красно-белого флага. Вырученные деньги пошли в фонд белорусской прессы.

Журнал "Гоман" за 12 октября 1917 г. опубликовал информацию о деятельности белорусских школ и Белорусского культурно-просветительского общества в Петрограде, над зданием которого развивался белорусский флаг.

Белорусская Рада 12-й действующей армии на своем заседании от 8 декабря 1917 г. постановила: солдаты-белорусы должны шить во вторую петлицу шинели сверху ленту бело-красно-белого цветов.

З. Бядуля в своем репортаже об открытии 15 декабря 1917 г. Всебелорусского съезда в Минске сообщает о том, что зал Минского городского театра был украшен национальными флагами. Сведения Я. Дылы о якобы красно-бело-голубом флаге ошибочны. Это опровергается и воспоминанием участника национально-освободительного движения в Белоруссии Я.Ф.

Сушинского, делегата съезда, который говорил о бело-красно-белом стяге.

Резюмируя вышесказанное, следует признать, что задолго до 25 марта 1918 г., даты провозглашения БНР, Погоня и флаг национальных цветов самым широким образом использовались белорусским национально-освободительным движением. Позднее, в 1919-1920 гг. национальные символы употреблялись белорусскими воинскими формированиями в Польше и Литве.

После 1921 г. и Рижского договора между Польшей и Советской Россией, судьба Белоруссии, судьба народа была жестко располовинена. На землях Западной Белоруссии, включенной в состав буржуазного Польского государства, национально-освободительное и демократическое движение велось под национальной символикой. Она использовалась во всех белорусских школах и гимназиях, на митингах трудящихся, применялось Товариществом белорусской школы, белорусским студенчеством. Учащиеся Новогрудской белорусской гимназии в 1929 г. во время трехдневной забастовки в поддержку исключенных за "коммунистические эксцессы" учеников Виленской гимназии, ходили по городу с Погоней и бело-красно-белым флагом. Национальные символы использовались как эмблемы на головных уборах белорусских школьников (околыши, кокарды). В 1939 г. население Западной Белоруссии и Виленского края встречало части Красной Армии не только красными знаменами.

Иначе сложилась судьба национальной символики в БССР. Здесь была лишь единожды, в 1926 году, сделана попытка обратиться к национальным цветам, когда председатель ЦИК БССР Я.А. Адамович предложил использовать их при разработке флага и герба БССР. Но время, вероятно, было уже не то. Сталинщина набирала силу. Предложение не прошло, а сам Адамович вскоре оказался за пределами республики в качестве председателя Сахартреста СССР, а потом и руководителя Камчатского акционерного общества, откуда пошел на сталинскую плаху в кровавом 1937-м.

Понятно, что в условиях реалий тогдашней жизни больше никто не смел вспоминать об исторических символах народа. Сталин ввел единый флаг для всей страны. Лишь в 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета БССР был утвержден флаг республики, существующий и поныне. Однако традиционный для белорусов белый цвет не был учтен.

В то же время характернейшие и для всех зарубежных славянских народов их любимые цвета - белый и красный вошли в сегодняшние державные флаги. В этом легко убедиться, ознакомившись с государственными флагами Болгарской Народной Республики, Социалистической Федеративной Республики Югославии, Чехословацкой Социалистической Республики и Польской Народной Республики. Были эти цвета, кстати, и на флаге дореволюционной России. Однако лишить весь народ исторической памяти нельзя. Она живет вместе с

народом, даже если судьба отрывает его от Отечества. Фактом является то, что вся белорусская трудовая эмиграция, сложившаяся из западнобелорусских выходцев до 1939 г. и проживающая ныне в разных частях света, использовала ранее и употребляет теперь старобелорусскую национальную символику. Она для нее олицетворяет и олицетворяет Родину-мать, дорогое Отечество, милую сердцу Беларусь.

Те, кто не соглашается с национальной символикой сегодня, в качестве доказательств приводят факты ее использования белорусскими коллаборационистами в прошедшей войне. Но виновата ли символика, если ее пытались использовать в своих антинародных целях те, у кого на руках была кровь соотечественников? Мы можем и должны только добавить к их преступлениям и это преступление-святотатство, осудить его и их, пытавшихся прикоснуться к этой исторической глыбе, завладеть ею и махать на ней свой капитал Иуды. Но в чем вина национальной символики? Разве предатели спрашивали у народа права на глумление над его национальными святынями?

Одновременно истины ради и ради исторической достоверности следует совершенно однозначно отметить, как бездоказательны утверждения, что будто бы под сенью символики белорусские карательные полицейские батальоны уничтожали мирных жителей, женщин, стариков и детей, что белорусские полицейские носили бело-красно-белые нарукавные повязки.

Для выяснения исторической истины автор официально обратился в Белорусский музей истории Великой Отечественной войны с просьбой оказать помощь в получении материалов, которые бы документировали вышеизложенные заявления. Однако в музее, несмотря на коллективные поиски его сотрудников, не выявлено таких документов. В оккупационной "Беларускай газэце" есть снимки, которые запечатлели членов "Саюза беларускай моладзі" с бело-красно-белыми повязками. Однако, как известно, СБМ был организацией, которая в основном вербовала молодежь в трудформирования, где им давали гражданскую специальность и отправляли на работу в Германию. Там их использовали в промышленности и сельском хозяйстве в качестве дармовой силы. С полным правом можно зачислить этих несчастных в жертвы преступной деятельности тех немногочисленных предателей, которые, вербуя обманом и силой в СБМ молодежь, таким образом оказывали помощь фашизму. Автор книги "Саўдзельнікі ў злачынствах" (Мн. 1964, с. 117-122) В.Ф. Романовский писал, что "попытки фашистских холуев из СБМ спровоцировать белорусскую молодежь на вооруженную борьбу против своего народа провалились. Не нашлось среди белорусской молодежи "добровольцев", чтобы создать хотябы одну роту и направить ее на фронт..." Правда, отдельные отщепенцы принимали участие в боевых действиях против партизан.

Как установлено, не имел бело-красно-белых повязок и батальон предателей, который возглавлял Б. Рогуля. Сам Рогуля щеголял и позировал фотоаппаратам в нацистской повязке со

свастикой. Рядовой состав носил обычную полицейскую форму и белую повязку с черной латинской буквой "P".

Аналогичная ситуация была и в южных районах Брестской, Пинской, Полесской и Гмельской областей, включенных в рейхскомиссариат "Украина". Не подтверждаются высказывания авторов статьи "Эволюция политического невежества" Н. Дрожжина, А. Барданова, А. Филимонова, Д. Жмуровского, К. Доморада о том, что под "сцягамі гэтага колеру" (имеется в виду бело-красно-белый флаг. - М. Т.) действовали карательные отряды "Беларускай краёвай абароны". Автор данной статьи обратился к трем авторам всемирно известной книги "Я з вогненай вёскі" участникам партизанского движения Я. Брылю, В. Колеснику и А. Адамовичу с вопросом: "При работе над книгой и при сборе материалов, воспоминаний живых жертв фашистского геноцида не попадались ли вам факты, подтверждающие использование карателями-полицаями бело-красно-белого флага и повязок при проведении этих акций против мирных жителей - женщин, детей и стариков или против партизанских формирований?" Ответ был отрицательным.

Утверждение бывшего комиссара партизанской бригады "Штурмовая" И.М. Федорова о том, что над комендатурой Заславля - немецким военным учреждением, которому подчинялась местная полиция, висел бело-красно-белый флаг, неверно. Над немецким учреждением вывешивался только немецкий флаг. Власть фашисты ни с кем делить не собирались и не делили.

Говоря о национальных символах, которые в силу ряда исторических причин попадали в руки предателей, врагов, палачей, мы должны осознавать, что символы ни в чем не виноваты. Равно как и другая символика - государственная и военная, - под которой в годы сталинской тирании были уничтожены десятки миллионов ни в чем не повинных советских людей. Символы не виноваты. Когда мы защищаем их, нами руководит не национальная гордыня, а священная память о наших дорогих отцах, дедах и братьях, как правило, не вернувшихся домой с той Великой и проклятой войны, прошедших и подполье, и "партизанку", и весь ратный путь Красной Армии. Для нас, выращенных полусиротами в послевоенных голодных землянках и нищих хатах, всплавающих с нашими дорогими матерями на себе поле трудной судьбы своей, они для нас олицетворяют правду и наш великий народ. А народ наш в ту лихую военную годину истории сохранил свои извечные духовные святыни, в полную меру проявил качества своего национального характера, которые за тысячелетнюю историю не изменились. Они для древней Белой Руси и Советской Белоруссии были, есть и останутся навсегда воплощенными в двух цветах - белом и красном. Белое - это знак добра, чистоты, благородного серебра, знак непокорности. Белое - это душа белоруса. Красное - это знак животворящего огня, символ отваги и воинственности, храбрости, доблести и праведной крови, пролитой за Отечество.

Красное - это горячее сердце белоруса. Между национальной символикой и любимыми цветами народа существовала и существует историческая и неразрывная связь. Национальные цвета, что признавалось и признается всем цивилизованным миром, определяются не решением институтов власти, а взяты из традиций народа, они живут в сознании нации и поэтому бессмертны. Они могут умереть только с народом, с которым их связывает судьба.

На долю белорусов выпала нелегкая участь. По их земле особо жестоко катилась кровавая колесница первой мировой войны, гражданских боев. По живому телу ее располосовал Рижский договор 1921 года. У колыбели молодой Советской Белоруссии волею судьбы стоял ряд политических деятелей, которые не желали образования ее советской государственности. Лишь мудрость В.И. Ленина ненадолго дала шанс белорусам подняться в составе СССР как нации. Но уже с конца 20-х годов все пошло вспять по всей стране и в Белоруссии, где формирование социалистической нации не завершилось. Топор сталинской репрессии вырубил, считай, под корень молодой цветущий сад белорусской культуры. Повсеместно насильно была узаконена политика принципиального отрицания белорусских национальных интересов. Деятельность в их защиту оказалась приравненной к национализму и неоднократно служила основанием для репрессий со стороны сталинского НКВД.

Путем насильственного выключения из политической жизни патриотически настроенных представителей белорусской нации, а также ее наиболее высокоморальной части, произошли нравственные деформации нации, теряющей свой интеллектуальный генофонд, внедрение общественной пассивности и возведение в ранг единственной заботы в социальной сфере - достижения материального благополучия (зачастую любым путем). До национальной ли символики было в такой ситуации!

Те, кто отрицает эти факты, глубоко безразличны к истории народа, к судьбе страны и ее будущему. Спектр этих "отрицателей" достаточно богат. Они отчаянно не хотят, чтобы к народу вернулись его память, его история, его самосознание. Чтобы великий европейский народ с тысячелетней историей заговорил во весь голос, чтобы белорусы, как писал великий Янка Купала, "стали людьми зваться".

Но народ наш, труженик, воин и страдалец, уже давно сказал: "Усё мінецца - адна праўда застанецца!"

От редакции: По просьбе автора гонорар за эту статью был перечислен в фонд "Дети Чернобыля".

* * *

Статья перепечатана из газеты «Советская Белоруссия» за 11 и 12 октября 1989 года. Текст статьи публикуется без купюр и искажений, невзирая на устаревшие ныне термины «перестройка» и «гласность», чтобы доподлинно показать читателю актуальность темы в советские времена и сегодня.